

Состояние современной русской словесности литераторами и читателями оценивается сегодня прямо противоположно. Дмитрий Бак считает, что «нынешняя русская литература — разные жанры по-разному — переживает период расцвета».

Владимир Бондаренко тоже не теряет оптимизма. В своих выступлениях он называет десятка два имен из числа «новых реалистов» и утверждает, что именно они в самом ближайшем будущем составят гордость русской литературы. Он пишет: «...писатели с молодой энергией ухватили настроения, царящие в самом обществе... у них есть величие замысла, есть длинная идея...». И далее, обращаясь к верховной власти: «Не нравятся народные мстители в литературе, неохота читать про безрадостную жизнь вымирающей провинции, наблюдайте за тем, как из искры приморских партизан будет разгораться пламя народного сопротивления». Не упоминая А. М. Горького, Владимир Бондаренко как бы примеряет героев Захара Прилепина, Сергея Шаргунова, Александра Терехова и других «сорокалетних» с образом Павла Власова из романа «Мать».

Однако подавляющее большинство литераторов настроено иначе. Недавно высказался по этому вопросу и Виктор Лихоносов: «И тоска еще бывает такая нестерпимая по воображаемой, возможной литературе...»

Алла Латынина как-то с горечью сказала: «У меня нет аргументов, чтобы убедить людей читать современную русскую литературу».

Игорь Золотусский в одной из своих статей признается, что, когда он от хрестоматийной литературы обращается к литературе современной, то прямо физически чувствует, как начинает заболеть.

Вячеслав Лютый не особо восторгается современной русской литературой, но верит в ее будущее: «...глухой ропот народа и отчетливое слово писателя должны нарастать и приобретать оттенки бури в тисках терпения... литература в России вполне может превратиться в поле, на котором собирают свой урожай бесчисленные клоны Улицкой — Сорокина — Быкова — Рубиной — Акунина — Донцовой...».

И уж совсем пессимистично настроена Светлана Замлелова: «Печально, что критики не хотят замечать: современная русская литература похожа на разбитый горшок, склеить который едва ли возможно».

Капиталистическая действительность существенно ожесточила нравы. Деформировалось сознание не только читателей, но и тех, кто взялся за перо. А философ

В. Розанов еще сто лет назад написал: «Души в вас нет, господа: и не выходит литературы».

Часто можно услышать (или прочитать), что, мол, наша литература находится в таком же положении, как в других капиталистических странах. Это не совсем так, а иной раз и совсем не так. Например, литературная жизнь современной Японии отличается от нашей интенсивностью и большим разнообразием. В стране издается более двухсот журналов, ежегодно присуждается свыше ста литературных премий за новые произведения. А у нас год только начался, а уже единственный толстый журнал поэзии «Арион» приказал долго жить. Дышат на ладан еще десяток литературных журналов.

Или вот другой факт. В Швеции на каждые десять тысяч человек есть книжный магазин, в Москве один магазин на 450 тысяч. Про сельскую местность говорить уже не приходится.

Самое печальное, что из русской литературы уходит главный герой любого времени — человек труда. Если и мелькнет где-то на заднем плане, то всего лишь как питательная среда для китов капитала.

Значительная часть современной российской литературы перестала быть учебником жизни. Чему могут научить романы с такими, например, названиями: «Анна Каренина, самка», «Сперматозоиды», «Нано и порно», и т. п. Видимо, авторы книг и издатели считают, что обложка — самая увлекательная часть книги.

Словесность, а не религия, философия или наука формировали национальный тип сознания, манеру мыслить и чувствовать. К сожалению, сегодняшней власти национальный тип сознания не нужен. Им необходим другой тип: тот, кто голосует за глобализм, неумное потребление, вседозволенность и не протестует против олигархического капитала. Не хочет наша власть прислушиваться к голосу наших лучших писателей, не понимая, что среди них могут быть и пророки. Владимир Личутин настаивает: «Сидящие же у власти должны твердо уяснить себе, что без национального русского сознания им не устоять в трудные годы, что сулятся в стране в самом близком времени».

В школьную программу (Русская литература 20 века, часть 2) внесли изучение творчества Александра Солженицына, но, излагая его биографию, авторы учебника умышленно умолчали, что, проживая в США, «классик» публично призывал к атомной бомбардировке СССР. И как же противно после этого читать в учебнике такие строки: «Сейчас очевидно, что писатель был искренне озабочен в 1990 г. (как озабочен и сейчас) тем, чтобы страна получила «полную свободу хозяйственного или культурного дыхания», ...а земля с ее чудесным, благословенным даром плодоносить не попала в руки анонимных спекулянтов»...

Что же такая государственная политика внушает нашим писателям? Понятно что. Охаивайте свою Родину, призывайте ее врагов к атомной бомбардировке России, — и, даже если вы не получите Нобелевской премии, не горюйте: вам президент нашей страны подарит шикарную усадьбу, гарантируем также миллионные тиражи ваших книг... А после вашей кончины (это даже не обсуждается) в школах заставим детей изучать ваши «шедевры», ну и, конечно, же поставим вам памятники. Так что дерзайте!

Смесь глупости с властью обладает большой разрушительной силой.

Прошло уже тридцать лет как полную свободу получили «прогульщики соцреализма», но и они, как ни пыжились, не создали литературных шедевров.

Бесцензурное пространство сбilo многих литераторов с пути. Кто-то свернул на тропу постмодернизма и окончательно увяз в этом болоте. Кто-то, обуреваемый болезненной жадной новаторства, стал осваивать другие литературные маршруты, но путеводитель оказался тарабарщиной. Но многие из заблудившихся не признают

своих ошибок и продолжают экспериментировать. Вот и приходится нам читать, например, у Всеволода Некрасова такую околесицу:

*Я помню чудное мгновенье
Невы державное течение
Люблю тебя Петра творенье
Кто написал стихотворенье
Я написал стихотворенье.*

Глоток свободы лишь усиливает жажду. И когда горят свободой, не думают, что делать с будущей золой.

Некоторые писатели сломя голову кинулись в православную тематику. В их произведениях нередко происходит чудо, граничащее, по мнению священников, с кошунством. Но от этих религиозных кульбитов в современной русской литературе чуда пока не наблюдается.

Еще одна большая «мозоль» современной русской литературы: наплыв нецензурной лексики. Некоторые известные в стране люди с маниакальным упорством утверждают, что мат — это часть нашей языковой культуры. Нет, господа и товарищи! Мат — это часть нашего бескультурья. Если в анекдотах эта лексика иногда как-то еще приемлема, то в художественной литературе категорически нет. Ни один литератор не должен забывать, что, кроме всего прочего, его текст выполняет еще и воспитательную функцию. Не зря же наши классики не использовали в своих произведениях нецензурную брань. А у нас, вручая награды Виктору Пелевину, Захару Прилепину, Владимиру Сорокину и другим живым «классикам», учредители и спонсоры литературных премий фактически принимают активное участие в легализации ненормативной лексики.

И очень жаль, что такой авторитетный литературный критик как Владимир Бондаренко, часто отмечая в своих статьях положительные моменты в книгах Эдуарда Лимонова, стыдливо умалчивает о нецензурной брани этого неординарного писателя.

Мат как художественно-образительное средство — это предельно примитивный и даже мерзкий прием. И сама жизнь показывает, где его место: в среде с крайне низким уровнем интеллекта (алкоголики, бомжи, уголовники и т. п.).

Очень точно подметил Аркадий Давидович: «Культура — это умение материться без мата». А известный американский психиатр Франкл Виктор еще в 1975 году в одной из своих лекций сказал: «И не говорите мне, что мы должны безоговорочно соблюдать и отстаивать принцип свободы слова... Одной свободы мало. Свобода без ответственности может переродиться в произвол... рядом со статуей Свободы надо бы воздвигнуть Статую Ответственности».

Так и хочется воскликнуть: «С кем вы, мастера культуры?! С матом? Или с «великим, могучим, правдивым и свободным русским языком»?».

«Ведущие» литературные журналы, которые когда-то были флагманами отечественной литературы, влечат жалкое существование, потому что настоящей литературы в них становится все меньше и меньше. Главные редакторы уже как Киса Воробьянинов униженно протягивают руку и просят у государственных чиновников взять их на содержание, но при этом забывают, какие функции обязана выполнять содержанка.

И как удачно кто-то съязвил, «Новый мир» надо переименовать в «Старый мир», «Знамя» — в «Флагшток», «Наш современник» — в «Их современник», а «Юность» — в «Старость».

Уже не Александр Сергеевич Пушкин, а телеящик — наше все. Многие россияне включают его рано утром и выключают вечером, уже лежа в постели. Телевидение стало наркотиком для тех, кто не научился и не хочет научиться думать. Кто из литераторов часто мелькает на экране, тот получает немалые деньги и порцию мнимой славы. А некоторые даже умудряются вести передачи: Быков, Волгин, Архангельский, Прилепин...

Институт критиков снизился до уровня ПТУ. Крайне редко можно встретить глубокий анализ, все больше куцые тезисы, «украшенные» хвалебными эпитетами. Кроме того, критики вымирают как когда-то мамонты, а те, кто еще живы, существуют чаще всего на взятки-подачки издательства. И читатель получает некачественный продукт, а владельцы издательств довольно ухмыляются и потирают ручки.

Много раз читал, как литераторы жалуются на то, что им не дают престижных премий. Что им можно посоветовать? Только одно: руководствоваться словами Марциала: «Хвалят их, а читают меня».

Владимир Личутин в статье «Писатель и власть» подчеркнул: «...судьба писательского ордена — сражаться за дух своего народа». И в этом бою можно победить в одном случае: взяв на вооружение все богатство русского языка, создать незабываемые яркие образы. И, уходя от литературных штампов, призвать на помощь свои новые художественно-изобразительные средства. Однако не надо забывать, что не все новое бывает удачным. Давно я прочитал у Юрия Кузнецова вот эти строки:

*Который день душа ждала ответа,
Но дверь открылась от порыва ветра.
Ты женщина — а это ветер вольности...
Рассеянный в печали и любви,
Одной рукой он гладил твои волосы,
Другой — топил на море корабли.*

Перечитывал эти строки неоднократно и хочется прочесть их снова, чтобы еще раз обдумать сказанное выдающимся поэтом и в который раз получить эстетическое удовольствие.

А читаешь у него же «Я пил из черепа отца...» — и хочется убежать от этой метафоры как можно дальше. Ничего не поделаешь, совершенство не бывает окончательным.

Казалось бы, проводится масса всевозможных литературных мероприятий: семинары с молодыми писателями, литературные ярмарки, научные конференции, встречи с читателями... Но сколько бы ни проводили «круглых столов», современная русская литература пока остается «под столом» мировой литературы. Ни у наших читателей, ни за границей она не пользуется успехом.

Когда всматриваешься в современную литературную жизнь, то, выражаясь словами В. Г. Белинского, «окружающая действительность вопиет». И невольно задаешься вопросом. Сможет ли такая литературная жизнь обеспечить русской литературе бессмертие?

Будем надеяться на лучшее, но здесь таится другая опасность: посеешь надежду — пожнешь разочарование.

НУЖНА ЛИ НАШЕМУ ГОСУДАРСТВУ ЛИТЕРАТУРА?

В 1917 году, когда в нашей стране свершилась революция, Россия была весьма развита страной в плане литературы и искусства. Однако это было искусство для немногих, для образованного сословия; 85—90 % населения не умели даже читать и писать.

Советская власть успешно и в сжатые сроки осуществила культурную революцию. В. И. Ленин писал, что искусство обязано быть понятно «массам и любимо ими. Оно должно объединять чувство, мысли и волю этих масс, подымать их». Это современная русская литература не способна решить эту задачу, а в то время эта цель была достигнута.

Сегодня все чаще и громче раздаются голоса, что современная русская литература переживает острейший кризис, и это обстоятельство вынуждает задаться вопросом: в

чем причины такого положения дел? И невольно заставляет обратить наши взоры к опыту наших предшественников, в том числе и к методу социалистического реализма, который был взят на вооружение при создании произведений литературы и искусства.

Абрам Терц (Синявский) в своей брошюре «Что такое социалистический реализм?» (1957 г.) отрицает этот метод как политическую несурязицу и заканчивает свою работу словами: «Мы не знаем, куда идти, но, поняв, что делать нечего, начинаем думать, строить догадки, предполагать. Может быть, мы придумаем что-нибудь удивительное. Но это уже не будет социалистический реализм». Литературные потомки Андрея Синявского действительно удивили своими «придумками», вот только восторга от них читатели пока так и не испытали.

Рамки соцреализма были весьма размыты («требуется правдивого, исторически конкретного изображения действительности в ее революционном развитии»), что позволило относительно комфортно чувствовать себя в литературе подавляющему большинству писателей; даже таким «нестандартным», как В. Каверин, Л. Леонов, К. Паустовский, М. Зощенко, А. Платонов и другим.

Утверждать, что социалистическая система только и занималась тем, что душила писателей, значит, уклоняться от правды. Рамки свободы творчества были сформулированы в приветствии ЦК КПСС 2 съезду советских писателей (1954 г.): «Недопустимо приукрашивание действительности и замалчивание противоречий и трудностей роста с одной стороны и надуманные конфликты, искаженное и клеветническое изображение советских людей и общества — с другой». Делегатам было предложено самостоятельно конкретизировать эти положения. И на съезде разгорелась нешуточная дискуссия, на которой звучали нелюбезные оценки творчества даже таких писателей, как М. Шолохов, К. Симонов и других кандидатов в классики. А нам продолжают внушать, что не было никакой свободы творчества.

Английский критик Дж. Гуддон (и было немало сторонников его точки зрения) утверждал, что соцреализм «рассматривает художника в качестве слуги государства». Так оно в действительности и было. Литераторы выполняли своего рода госзаказ. Если подходить к этому вопросу иначе, есть только два варианта. Рассматривать государство в качестве слуги художника, но такой «сюжет» невозможен даже в сказке. И последний вариант: государство не обращает на писателей никакого внимания. Это как раз то, что происходит в нашей стране в последние тридцать лет. Но разве такой подход способствует развитию русской литературы? Жизнь показала, что ответ на этот вопрос отрицательный.

За первые тридцать лет советской власти в нашей литературе появились М. Шолохов, В. Маяковский, А. Толстой, А. Твардовский... А кто из современных писателей вырос за последние тридцать лет до уровня перечисленных классиков? Убедительного ответа на этот вопрос пока никто не может дать.

Даже те, кто огульно охаивают изображение жизни в рамках соцреализма, неизбежно приходят к выводу, который сформулировал Ю. Боров в своем учебнике «Эстетика»: «Относительно мягкий, стабильный и социально озабоченный режим брежневского типа (тоталитаризм с почти человеческим лицом) сменился коррумпированной нестабильной махровой демократией (олигархия с почти криминальным лицом), озабоченной разделом и переделом общественной собственности, а не судьбой народа и государства».

Русскую литературу сегодняшнего дня создают писатели, которые трудятся на общественных началах, то есть в порядке общественной нагрузки или самодеятельности (профессии «писатель» в России уже давно нет). Вот мы и получаем художественную литературу в основном на уровне «художественной самодеятельности». Разве можно себе представить, что, создавая, например, баллистические ракеты или космические корабли, люди работали на общественных началах? Нет, конечно.

Труд поэта, прозаика, драматурга, литературного критика — это сложнейший вид деятельности. Подавляющее число современных писателей — это люди наиболее совестливые, влюбленные в русскую литературу, для которых Художественное Слово — не пустой звук. Писательство сегодня — это образ жизни бедняка и каторжный труд, но вот что удивительно: количество посвятивших себя литературному творчеству не уменьшается, а увеличивается. Не зря у Станислава Золотцева есть такие строки:

*Почти нагая, почти босая,
Не перестанет сквозь кровь и слезы,
Себя спасая и мир спасая,
Писать Россия стихи и прозу.*

Даже талантливые литераторы, дабы сохранить свои тексты, вынуждены на свои кровные издавать книги тиражом 100—200 экз., следуя примеру Николая Глазкова, написавшего:

*Лучшему поэту нет пути:
Всюду рамки конъюнктур и дат,
Чтоб несправедливость обойти,
Я придумал «Самсебяиздат».*

У нашего правительства, которое в первую очередь отстаивает интересы олигархов, никогда не найдется денег для писателей. Никогда! Ибо в писатели в основном идут люди с обостренным чувством справедливости, думающие о своем народе, страдающие вместе с ним.

Хорошо известно, что любая экономическая структура государства, являясь базисом, выстраивает свою политическую надстройку, к которой относится в том числе и литература. Правительство находит деньги только для тех продажных деятелей СМИ и литераторов, которые формируют по любому вопросу «нужное» общественное мнение, исходя из того, что дешевле сформировать общественное мнение, чем считаться с ним. Кураторы идеологической работы не гнушаются ничем. Озвучивают ложь, рассчитывая на то, что газетные утки способны продолжить плавание в сознании обывателей. Нередко говорят правду, например, о коррупции, но думающим людям понятно, что выносят сор из избы лишь для того, чтобы пустить пыль в глаза трудящимся.

Поэт Леонид Григорьян создал такой образ рядового гражданина новой России:

*Обреченный метаться впотьмах,
Обходиться изглоданной коркой,
Уловлять шелестенье бумаг,
Быть поскребышем, карлой, шестеркой,
Безответным объектом воря,
Сиротой посреди мироздания...
Это ты, это он, это я,
Это мы накануне восстанья...*

Подобные мысли и в стихах, и в прозе, и в критике высказывают многие литераторы. И наше государство будет платить им за подобное творчество?

Да никогда в жизни; до тех пор, пока существует диктат Золотого Тельца.

Наше буржуазное государство олигархического типа находит деньги только для тех, кто прославляет именно такую форму правления и очерняет советское прошлое. Поэтому находятся деньги и на памятник Солженицину, и на рекламу, и на издание книг писателей-антисоветчиков.

Вот лишь один пример. Много произносится восторженных эпитетов платными либеральными критиками о поэзии Иосифа Бродского. Они рассуждают об «инстру-

ментовке и пластике его стиха», о «новых способах фиксации и утверждения реальности». Как уникальное достоинство выставляется его «композиционная неуравновешенность и лексико-грамматическая невнятица» и т. п. Поэзию Нобелевского лауреата активно пропагандировали действительно талантливые чтецы Михаил Козаков и Константин Райкин. Но как бы и кто бы ни пыжился, а народ России не обманешь: не принял он поэзию Иосифа Бродского. У стихов Есенина, Высоцкого, Евтушенко есть массовый читатель, их строки цитируют в разговорах, песни на их стихи поют, — а у Бродского ничего этого нет.

Уже четверть века государство находит деньги для всех, кто активно участвует в работе над реформатированием сознания и извращением художественного вкуса широких масс. Для этого уже десятки лет с утра до позднего вечера на телеэкране мелькают голые задницы, пропагандируются низкопробные зарубежные кинофильмы, звучит примитивный юмор «ниже пояса»... Находятся деньги и для литературных «гельманов», а их число все растет и растет.

Российский телеведущий Дмитрий Киселев построил в Крыму виллу за 200 миллионов рублей. Для таких деятелей, как он, государство, без всякого сомнения, деньги изыщет, даже если для этого придется поднять пенсионный возраст, повысить цены на продукты питания, ЖКХ, бензин и т. п. А с какой настойчивостью изобретаются новые налоги для трудящихся! Скоро, видимо, и для полетов во сне, потребуется покупать лицензию.

Чтобы до конца не обозлить пишущую братию, наша центральная, а кое-где и местная власть иногда бросают им кости: то несколько литературных премий, стипендий, то подкинут денег для «поддержки штанов» редакторам (в основном либеральных изданий), а то и «Годик литературы» объявят...

Американец Уоррен Баффетт потратил на благотворительность миллиарды своих долларов. «Российского Баффетта» днем с огнем не сыщешь; и даже если мы его и увидим, то это произойдет, скорее всего, только во сне. Казалось бы, есть Потанин и Дерипаска. Они — основные собственники «Норникеля» (одной из крупнейших в мире компаний по производству драгоценных и цветных металлов). Уж денег-то у них столько, что можно было бы издать книги всех без исключения талантливых российских писателей. Но говорят, что деньги наших олигархов регулярно убегают в оффшоры, где и прячутся. Может быть, именно там писатели получают материальную поддержку? И, глядишь, через энное количество лет в нашем литературоведении появится новый термин — «оффшорная русская литература»? Как говорил Станиславский: «Не верю!».

К какому же выводу мы пришли? Литературная жизнь в России в последнюю четверть века, конечно, не удалась; но могло быть и хуже.

Если смотреть шире, ясно одно: движению вперед нередко мешает политическая платформа, а локомотив Истории требует капитального ремонта и замены машиниста.

УБЬЮТ ЛИ РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ?

Война Запада против России набирает обороты не только на экономическом, но и на идеологическом фронте. И в эту борьбу вовлекаются все новые и новые материальные и людские ресурсы. Враги уже давно поняли, что расчленив Россию можно только в том случае, если пятая колонна внутри нашей страны откроет второй фронт. И распад СССР подтвердил, что они выбрали единственно верную тактику.

Предателей в верхних эшелонах власти всегда можно найти. Но будет ли снова молчать народ, когда новые горбачевы и ельцины начнут расчленять уже саму Россию? Вот это — главный вопрос! Сегодня — вряд ли возможен такой сценарий. А чтобы народ промолчал завтра, нужно самым активным и всесторонним образом

продолжить работу по переформатированию его сознания. Денно и ночью внушать нашим гражданам, что прошлое и настоящее России мерзопакостно и что «светлое будущее» возможно при одном условии: если народ возьмет на вооружение «общечеловеческие ценности». Ну, а что из себя представляют эти «ценности», мы наблюдаем уже больше четверти века.

Одна из важнейших задач противника на идеологическом фронте — подорвать веру в героическое прошлое нашего народа, переписать Историю и обесценить русское Художественное Слово. Внушить гражданам, и прежде всего молодежи (она — будущее страны), что не было ничего значительного ни в советской литературе, ни в русской литературе девятнадцатого века. К решению этой задачи подключают не только представителей пятой колонны, но и тех, сознание которых уже «пошатнулось», и они попали в разряд «заблуждающихся». И порой уже трудно разобрать, кто находится рядом с тобой: враг России или всего лишь клонувший на «наживку» нашего противника? Сегодня заблуждающиеся опасны: заблуждения с годами вырастают в непроходимые дебри.

Пример этого мы можем видеть сейчас на Украине. Целенаправленное промывание мозгов подрастающему поколению уже дало там свои плоды.

Да и в других странах ближнего и дальнего зарубежья можно наблюдать нечто похожее. Вот только Россия, несмотря на все усилия псевдолибералов и псевдопатриотов, пока держится. И в этом немалая заслуга российской литературы, которая столетиями пыталась сохранить в читателях самые чистые и светлые чувства. А потому, чтобы уничтожить Россию, следует в первую очередь разделаться с российской культурой вообще и с российской литературой в частности. И попытки в этом направлении не прекращаются с девяностых годов. Примеров достаточно и в театральной деятельности, и в кинематографии, и в телевизионных проектах. Немало публичных людей, кто сознательно, кто по недомыслию, старательно забрасывают комочками грязи то, что наш народ привык считать национальным достоянием.

К примеру, безызвестный Дмитрий Быков весьма преуспел в охаивании русской литературы. В книге «Советская литература. Краткий курс» он отводит каждому писателю главу, в которой высказывает свое видение творчества того или иного писателя или поэта.

Например, такой его пассаж: «Горький одержим безобразным. Именно благодаря этой особенности... он и завоевал читателя... Это-то отсутствие нравственных тормозов — и, более того, отрицание человеческой морали... чувствовалось в Горьком с самого начала».

Антон Павлович Чехов, по мнению Быкова, тоже отвратителен: «Чехов отчасти напоминает своего Лопухина, сына крепостного (как и он сам), который скупил вишневым сад русской литературы лишь для того, чтобы его вырубить».

Не восхитила Быкова и поэзия Сергея Есенина: «Мандельштаму до есенинского культа также далеко, как Есенину до мандельштамовского таланта; да что там — Блоку, талантливым эпигоном которого Есенин был с деревенского своего начала и до творческого конца».

Литературный талант М. А. Шолохова Быков частично признал, но по-своему истолковал «Тихий Дон». И это не удивительно. У Быкова было лишь два варианта. Объявить Михаила Шолохова бездарем — но это уж слишком! И он пошел по другому пути: весь его комментарий к роману сводится к тому, что «Тихий Дон» — произведение антисоветское. Поэтому свои рассуждения о романе он заканчивает фразой: «Патриоты, откажитесь от Шолохова. Он — не ваш».

В своей книге Быков периодически касается истории советского государства. О И. В. Сталине он пишет: «Сегодня иногда встречаешь суждения о том, что Сталин... был менеджером модернизации, благодаря которому мы провели величайшую индустриальную революцию в истории человечества».

стриализацию и т. д. Между тем никакой модернизации Сталин не проводил — он ее угробил».

Похвалы удостоился Леонид Леонов, но, видимо, потому, что Быков причислил его к скрытым антисоветчикам. И в качестве доказательства по-своему прокомментировал его философско-мистический роман «Пирамида».

Быков уделяет внимание тем литераторам, которые (или родственники которых) в той или иной степени пострадали от советской власти. Так, мы можем прочитать главу о творчестве Варлама Шаламова, Исаака Бабеля, Юрия Домбровского, Веры Пановой, Василия Аксенова и других.

Поразительно, но в книге Быкова нет глав, посвященных Владимиру Маяковскому, Алексею Толстому, Константину Симонову, Константину Паустовскому, Юрию Бондареву, Василию Быкову, Чингизу Айтматову, Виктору Астафьеву, Евгению Евтушенко, Валентину Распутину, Василию Гроссману и многим другим литераторам, которые составляют гордость советской литературы. Но зато есть многостраничные главы, в которых анализируется творчество Александра Шарова, Николая Шпанова, Федора Парфенова и других писателей и поэтов, творчество которых никак нельзя назвать значимым.

Быков расхваливает на все лады постмодернистские изыски и кульбиты Виктора Пелевина. Но мы-то понимаем, почему он это делает. Как сказал один умный человек, «если попытаться одним словом определить состояние человеческой души в эпоху нынешнего «глобализма», то это слово будет ползучим, безжалостным и пластающим: смысложизнеутрата». Привести российский народ к подобному состоянию — давнее желание так называемой западной цивилизации.

Характерно для позиции Дмитрия Быкова и такое заявление: «В русской литературе 70-х годов 20 века сложилось направление, не имеющее аналогов в мире по антикультурной страстности, человеконенавистническому напору, сентиментальному фарисейству и верноподданическому лицемерию. Это направление, окопавшееся в журнале «Наш современник» и во многом определившее интеллектуальный пейзаж позднесоветской эпохи, получило название «деревенщичество»».

Как тут не вспомнить слова Юрия Бондарева: «Наша свобода — это свобода плевать в свое прошлое, настоящее и будущее, в святое, неприкосновенное, чистое».

В политическом болоте каждая лягушка мечтает стать вождем. Совсем недавно Д. Быков публично заявил, что намерен написать о предателе генерале Андрее Влазове книгу, в которой будет отображен его подвиг. И ведь напишет, энергии и эрудиции ему не занимать. И получит какую-нибудь очередную престижную литературную премию. Рецензенты дружно похвалят очередной «шедевр», и каждый из них положит в карман свои тридцать сребреников.

А наши дети и внуки будут читать эту мерзость. Они ведь не знают, что о советской власти Валентин Курбатов, выражая мнение наших лучших писателей, сказал: «И называть этот период только «совковым» можно только от духовной слепоты и лени ума... мы не привились к прежней советской традиции, к лучшему и живому в ней. И это было национальное предательство».

Был упомянут лишь один небольшой кусочек из обширного полотна борьбы с российским самосознанием. Думающие читатели (а другие эти строки и не прочтут) легко дополнят картину своими примерами.

Надо смотреть правде в глаза: попытки убить русскую литературу будут все настойчивее и изощреннее. Время не ждет. Нужно что-то предпринимать для более активного противодействия этим попыткам.

Бороться с непреодолимыми обстоятельствами можно только созданием новых возможностей.

